

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Соотечественники не вняли размышлениям о войне и мире Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и других религиозных философов, продолживших традицию В.С. Соловьева.

В подходах их современников — философов, историков, правоведов — либо преобладали собственные излюбленные акценты (например, у Л.П. Карсавина, П.А. Кропоткина [Карсавин 1994: 250–284; Кропоткин 1916]), либо внимание концентрировалось на возражениях и полемических высказываниях [Комаровский 1898; Кудряшов 1915; Неплюев 1904; Таубе 1905].

Православное богословие (как дореволюционное, так и эмигрантское) оказалось весьма нечувствительно к религиозно-философскому объяснению войны и мира, почти не реагируя на него или касаясь вскользь [Глубоковский 2002; Иоанн (Шаховской Д.А.) 1992; Никольский 1896; Флоровский 1991].

Что же касается отечественной социально-философской и церковной мысли советского периода, то для нее область религиозно-философского наследия (тем более по такой политизированной тематике, как война и мир) надолго оставалась практически неведомой и никак не отражалась в публикациях философов либо авторов из среды РПЦ.

В конце 1980-х годов ситуация меняется; на темы русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. написано множество трудов. Однако обнаруживается, что именно в части рассмотрения русскими религиозными философами войны и мира их наследие по-прежнему почти не востребовано, обращения к нему фрагментарны и поддерживаются в основном научным энтузиазмом отдельных исследователей.

Современная РПЦ очень осторожно относится к рассмотренному выше религиозно-философскому наследию, обращаясь, в основном, к работам о Павла Флоренского и о Сергия Булгакова, и то с оговорками и комментариями. Церковь стояла и стоит на той позиции, что необходима великая работа по нравственному перерождению человека. Продолжительный и прочный мир «есть дело нашего духа, который в самом себе может создать силу к ликвидации внешних поводов, порождающих раздоры» [Журнал Московской Патриархии 1964: 45]. Путь к миру, по мысли православия, не только путь поли-

тики и реформ. Но прежде всего — путь духовной работы и нравственного совершенствования.

Такие представления РПЦ переключаются с мирозерцанием русских религиозных философов. Однако это не значит, что Церковь во всем принимает позицию В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и других русских мыслителей по проблеме миротворчества, элиминации зла и насилия из жизни общества.

Позиция современной РПЦ по проблемам войны и мира и ее отношение к наследию русских религиозных философов неоднозначны. Как правило, православное богословие, высоко оценивая общекультурный вклад В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, Е.Н. Трубецкого, религиозное творчество этих мыслителей рассматривает с позиций догматического богословия. Такая ситуация сложилась в силу специфики оригинальных взглядов русских религиозных философов на основные положения ортодоксальной догматики. РПЦ не считает трактовку русской религиозной философией основных догм веры правильной. В то же время за последние полтора десятилетия в Журнале Московской Патриархии был опубликован ряд статей религиозных философов, связанных в той или иной мере с жизнью церкви [Булгаков 1989 а, б, 1990 б; Соловьев 1997; Трубецкой 1996].

Среди современных православно-богословских работ по русской религиозной философии наибольший интерес, на наш взгляд, представляет книга профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, протоиерея Георгия Митрофанова «Россия XX века — “Восток Ксеркса” или “Восток Христа”. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века» [Митрофанов 2004]. Протоиерей Георгий размышляет о причинах революции и ее последствиях, которые сказались на путях православия в России. Автор ссылается на русскую религиозно-философскую мысль и впервые достаточно полно останавливается на проблемах зла и насилия в осмыслении русских религиозных философов. Называя мировоззренческий миф коммунизма одним из наиболее духовно искусительных и наиболее бесчеловечных, Митрофанов полагает, что коммунизм издревле соблазнял страждущих потомков падшего Адама иллюзией легкой возможности вновь обрести рай на нередко напоминающей ад грешной земле. Таким образом, человек исповедовал религию человекобожества [Там же: 9].

Россия в XX в. пережила трагический опыт духовно-исторического искушения коммунизмом. И те испытания, которые выпали на долю России в ушедшем столетии, по мнению Г. Митрофанова, во многом связаны с этой проблемой. Русские религиозные мыслители одними из первых увидели корень трагических испытаний России и проблем зла и насилия в русском обществе. Глубоко закономерно, что именно в русской религиозно-философской мысли первой половины XX в. была предпринята одна из первых, но по существу самая успешная попытка всестороннего критического исследования коммунизма.

Г. Митрофанов, анализируя истоки русского коммунизма, видит заслугу русских религиозных философов в том, что они вместе с Православной Церковью сумели для будущих поколений вынести окончательный религиозно-философский приговор коммунизму как одному из величайших духовно-исторических соблазнов в истории человечества.

Размышления автора имеют непосредственное отношение к проблеме мира, войны, зла, насилия, истокам революции, так как в основе этих человеческих соблазнов лежит, по мнению православия, грех. Греховная природа человека порождает проблемы нравственного, духовного характера. Подчеркивая значимость русской религиозно-философской школы в осмыслении духовно-нравственного состояния российского общества в начале XX в., Г. Митрофанов считает, что уровень развития русской философии свидетельствовал не только о наличии в духовной культуре России ярких философских индивидуальностей, но и о появлении в ней сформировавшейся философской традиции.

Князя С.Н. и Е.Н. Трубецкие, протоиерей С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский и С.Л. Франк, П.Б. Струве и священник Павел Флоренский, Б.П. Вышеславцев и И.А. Ильин, протоиерей В.В. Зеньковский и Г.П. Федотов — таков далеко не полный перечень религиозных философов, творчество которых составило магистральную линию русской философии начала XX в., направленную на восполнение европейской философской традиции духовным опытом православного церковного предания и русской духовной культуры [Там же: 11].

Первая половина XX в., оказавшаяся периодом практической реализации в России теоретических постулатов марксизма и уста-

новления в стране тоталитарного режима, сделала русских религиозных философов очевидцами кровавого воплощения коммунистической утопии [Там же: 18], Митрофанов справедливо замечает, что многочисленные публикации произведений русских религиозных философов в России 1990-х годов, совпавшие с настоящим «обвалом» интеллектуально облегченной газетно-журнальной информации антикоммунистического характера, не были по достоинству оценены или даже просто замечены широкими кругами постсоветского общества [Там же: 14].

Что же касается осмысления проблемы войны и мира философами «нового религиозного сознания», то практически никаких значительных оценок ему современная церковная мысль не дает. Большая часть публикаций, докладов и выступлений связана в целом с религиозно-философским наследием. В нынешней церковно-православной идеологии приоритет в отношении к этой проблеме отдается не столько богословскому осмыслению, сколько практической духовной работе в вооруженных силах.

2 марта 1994 г. был подписан первый официальный документ, закрепляющий взаимоотношения Церкви и армии, — совместное заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и министра обороны России П.С. Грачева. В соответствии с этим документом был создан Координационный комитет по взаимодействию между российскими ВС и РПЦ. 16 июля 1995 г. был создан Синодальный отдел Московской Патриархии по взаимодействию с ВС и правоохранительными учреждениями. Его главной целью является осуществление взаимодействия Московского Патриархата с ВС, правоохранительными учреждениями и ведомствами РФ, имеющими в своем составе воинские формирования.

На Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ, состоявшемся в августе 2000 г., в докладе Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II было сказано, что Церковь издревле окормляла военнослужащих, всесторонне сотрудничая с армией [Юбилейный Архиерейский Собор... 2000: 29]. Патриарх Алексей II считал одним из приоритетных направлений служения Церкви работу в ВС по созданию условий для беспрепятственной проповеди Слова Божия в армии: устройство походных и стационарных храмов, распространение духовной литературы, осуществление священнослужителями

пастырских обязанностей в войсках, среди военнослужащих, в «горячих точках».

Патриарх Алексей II подчеркивал, что очень важно осуществлять духовное патриотическое воспитание в ВС [Там же: 29–30]. Он отмечал необходимость распространения знаний об истории Православной Церкви и ее роли в истории Отечества, создания богословских факультетов в военных академиях, регулярной просветительской деятельности священников не только среди военнослужащих, но и в военных учебных заведениях. По мнению Патриарха, назрела необходимость подготовки военных катехизаторов и военных священников. В связи с кардинальными переменами в российском обществе Алексей II отмечал: «Жизнь настоятельно диктует необходимость создания института регулярного военного и морского духовенства, что особенно актуально в дальних гарнизонах и на флоте. Считал бы важным двигаться вперед в этом направлении, в том числе через организацию специальной подготовки будущих священников» [Там же: 30].

В мае 2006 г. проходил совместный форум представителей священства, военных и ученых по проблемам современной армии, церкви и возрождения традиций православия в армейской жизни. Выше уже рассматривался вопрос об отношении православия к проблемам войны и мира, в центре которого современная Православная Церковь полагает защиту Отечества как священный долг каждого христианина и благословляет своих чад на ратный подвиг.

Во время Первой мировой войны, как свидетельствовал протопресвитер императорской армии и флота Георгий Шавельский, дух армии оставался «бодрым, сильным, могучим» [Шавельский 1954: 354]. Однако внутренний революционный разлад и воцарившийся в стране хаос способствовали разложению армии. Для русских солдат и офицеров всегда было присуще особое отношение к армейской службе и защите Родины — стойкость в скорбях, способность принять чужое горе как свое, готовность к самопожертвованию во имя ближнего и родной страны. Во время русско-японской и Первой мировой войн священники сопровождали части с походными церквами, духовно окормляли воинов, поддерживали их нравственно и психологически. На поле боя они облегчали страдания раненых, готовили к кончине умирающих и погребали убитых. Мужество полковых священников вселяло бодрость и укрепляло дух воинов.

Свой вклад был внесен РПЦ и в победу советского народа в Великой Отечественной войне [Кондакова 1995]. В первый же день войны Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) благословил православный народ на жертвенный подвиг защиты Родины. На протяжении всех военных лет духовенство и миряне посвящали свои усилия делу борьбы с захватчиками.

В наши дни РПЦ занимает уверенную позицию в российском государстве, оказывая посильное влияние на формирование духовно-нравственных ценностей общества. Однако богатейший пласт духовного наследия русской религиозно-философской мысли, сформировавшийся на рубеже XIX–XX столетий, недостаточно, на наш взгляд, учитывается представителями русского православия.

Судя по содержанию рассмотренных выше и некоторых других работ современных православных авторов, эта тематика звучит в весьма адаптированном под нынешние церковные приоритеты виде [Иоанн (Снычев) 1994; Казин 1998; Осипов <http://russzastava.narod.ru/osipov17mech.html>]. В программном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» специальный раздел (VIII. Война и мир) полностью свободен от каких-либо рецепций богатейшего отечественного религиозно-философского наследия, воспроизводя в современной терминологии традиционную церковную позицию в отношении к войнам и миротворчеству [Основы социальной концепции Русской Православной Церкви 2001: 204–208].

В научной литературе, на страницах печати, в публицистике, в рассуждениях политиков присутствуют те или иные мнения религиозных философов, что оказывает опосредованное влияние на современное мышление и идеологию российского общества. Однако светская философская мысль в целом пропустила «мимо себя» теорию войны и мира русских религиозных философов.

Перемены, происшедшие в России на рубеже 1980–1990-х годов, обусловили появление принципиально новых возможностей для свободного от идеологического диктата изучения русской религиозной философии. В достаточно короткий промежуток времени большая часть творческого наследия русских философов благодаря многочисленным изданиям и переизданиям оказалась доступной широкому кругу читателей, а в академической науке стали появляться как лекционные курсы, так и специальные исследования монографиче-

ского характера, которые освещали различные проблемы истории русской религиозной философии.

Это совпало с процессами Перестройки, распада СССР и внешне-го изменения в «мирную» сторону отношений с недавними политическими и идейными противниками. Но проблема войны и мира не утратила своей актуальности. В конце 1980-х — середине 1990-х годов появился ряд работ по проблемам войны и мира, зла и насилия, содержащих отсылки к трудам русских религиозных философов по этим вопросам. Среди них заслуживают внимания работы С.Г. Киселева «Проблема «смысла войны» в русской религиозно-идеалистической философии начала XX века» (М., 1990), В.Л. Короткова «Мир как социально-философская проблема. Философские чтения» (М., 1996), Е.В. Демидовой «Идея ненасилия в русской общественно-философской мысли первой трети XX века» (М., 1996), спецкурс преподавателей МГУ Н.Д. Куфакова и Л.З. Немировской «Вопросы войны и мира в русском православном богословии» (1989).

Историко-философские разыскания последнего времени также вводят в научный оборот экспликацию положений и выводов русских религиозных философов, касающихся военной тематики и вопросов миротворчества [Бори 1990: 27–36; Н.А. Бердяев: *pro et contra* 1994; С.Н. Булгаков: *pro et contra* 2003]. Обращаются к этому материалу и некоторые политологи [Митрофанова 2004; Можаровский 2002; Носков 1997]. Тем не менее специальных исследований, посвященных подходам к войне и миру в трудах русских религиозных философов рубежа XIX–XX веков, по-прежнему немного [Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге 1995; Русские философы о войне... 2005; Микляев 2003; Писаренков 2005; Чубарьян 1980]. Это вызывает сожаление, поскольку данный пласт религиозно-философского наследия является органичным компонентом целостного процесса русской философской мысли.

В связи с этим уместно привести высказывание протоиерея Георгия Митрофанова, характеризующее отношение современного мыслящего общества к русской религиозной философии: «Религиозный индифферентизм и низкий уровень философского сознания, обращенность к мировоззренческим стереотипам секуляризованной западной культуры и наивная вера в способность общества массового потребления разрешить многочисленные проблемы посткоммуни-

стического периода русской истории и по сей день препятствуют многим представителям российской, в том числе и православной, интеллигенции вдумчиво принять и органично продолжить традицию русской религиозной философии» [Митрофанов 2004: 14–15].

На XI Всемирном Русском народном соборе Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, обращаясь к участникам форума, заметил, что Россия может духовно возродиться только тогда, когда социум будет заботиться не только об умножении материальных богатств, но и о значимости духовно-нравственных принципов. Сохранение культурных традиций, нравственной чуткости народа — одна из важнейших задач современной России. В то же время уважительное отношение к свободе человеческой личности является неотъемлемой частью морали цивилизованного общества [Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II... 2007: 87–88]. Преемник Патриарха Алексия II Святейший Патриарх Кирилл, задумываясь о проблемах современности, говорит о том, что «существует огромная цивилизационная проблема — я бы так ее обозначил — в масштабах всего рода человеческого. Это полная деформация и искажение понятия, которое связано со словом “любовь”. Для меня как для верующего человека любовь — это чудо и Божий дар, но дар не избирательный. <...> Бог есть любовь, и пребывающий в любви в Боге пребывает (1 Ин. 4:16). Удивительные слова. С одной стороны, такие простые, а с другой, невероятно сложные для понимания. Дай Бог, чтобы наши люди сегодня не поддались на искушение разрушить этот дар. Если он будет разрушен, думаю, на этом закончится человеческая история» [Патриарх Кирилл 2010: <http://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-o-lyubvi/#ixzz2s3CnW84v>]

Эти мысли Предстоятелей Русской Православной Церкви перекликаются с раздумьями великих русских религиозных философов, видевших путь к решению проблемы мира и войны в религиозно-нравственном возрождении России.